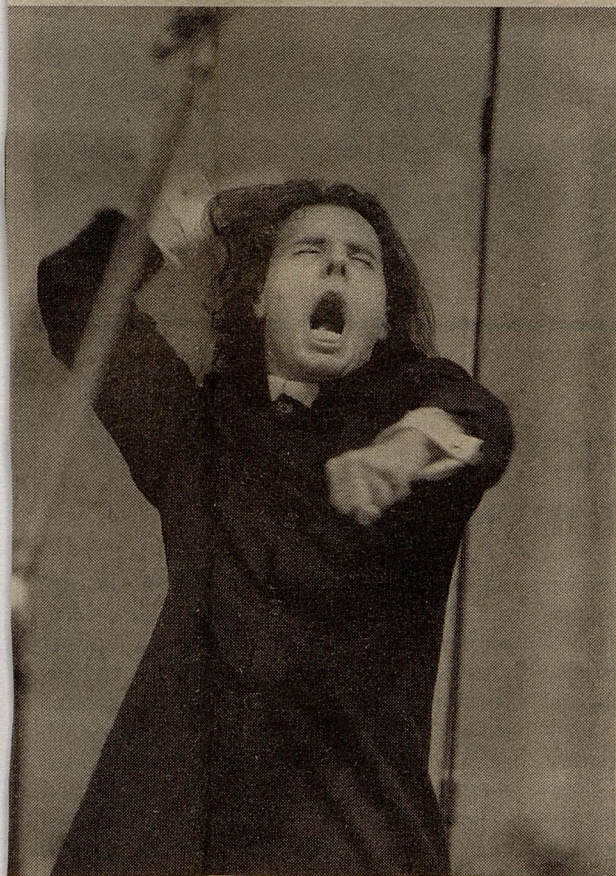

Курентзис Теодор

11.11.04

Так говорил Теодор Курентзис

Известия - 2004 - 11 нояб. - в. 14.

ДИРИЖЕРСКИЙ СТИЛЬ КУРЕНТЗИСА гораздо менее чувственный и кровожадный, чем Гергиева

ЕКАТЕРИНА БИРЮКОВА

КОНЦЕРТ

Один из самых обнадеживающих российских музыкантов нового поколения — дирижер Теодор Курентзис — дал концерт с Национальным филармоническим оркестром России. Несмотря на свою и оркестра молодость, маэстро не стал мелочиться. В программе была одна из самых неподъемных и амбициозных партитур — Третья симфония Малера.

Греческое происхождение и сильный акцент не мешают 31-летнему Теодору Курентзису принадлежать к российскому музыкальному миру. Его учителем был легендарный питерский профессор Илья Мусин, оставивший о своем воспитаннике самые лестные замечания. С другим известным учеником Мусина — Валерием Гергиевым — Курентзиса роднит демоническая внешность. Возможно, поэтому уже поговаривают о «московском Гергиеве». Но на самом деле с Гергиевым-то его совсем глупо сравнивать — ничего общего. Дирижерский стиль Курентзиса гораздо менее чувственный и кровожадный. В его музицировании много воздуха и тишины, которую он очень здорово умеет слушать. Курентзис скорее мистик, а не brutальный мачо.

До недавнего времени дирижер числился в начинающих и малоизвестных, а его экзотическая фамилия писалась в пресс-релизах то через «т», то через «д». Но прошлый сезон многое изменил. Сначала Спиваков взял Курентзиса на работу в свой новый Национальный филармонический оркестр, и тот блестяще дебютировал программой памяти Евгения Колобова в компании с молодыми московскими певцами. Потом его позвали на пост главного дирижера в Новосибирский театр оперы и балета (фактически в третий после Большого и Мариинки театр страны), после того как тот великолепно справился с музыкальной частью двух важнейших премьер сезона — балета Стравинского «Поцелуй феи» в постановке Аллы Сигаловой и оперы Верди «Аида» в постановке Дмитрия Чернякова.

Одним из открытий той «Аиды» стала молодая певица Ирина Макарова в роли Амнерис, которая успехом своим была обязана не только собственному богатому голосу, но и бдительной дирижерской работе. Ее же маэстро привлек к покорению очередной вершины — Третьей симфонии Малера. Монументальный шестичастный опус для оркестра, детского и женского

хоров (в концерте участвовал хор Виктора Попова) и меццо-сопрано, написанный в 1896 году, является одним из главных памятников ницшеанского культа. Поначалу композитор собирался дать симфонии подзаголовок «Веселая наука», позаимствовав его у известного труда Ницше, а также каждой из частей предпослать программу, превращающую эту музыку в некий аналог философского трактата. Но ограничился неординарными размерами (огромная первая часть фактически сама является целой симфонией) и использованием в четвертой части текста «Хмельной песни полночи» из знаменитой работы Ницше «Так говорил Заратустра» (Макарова, выпевая этот текст, была всем хороша, но не хватало немецкого произношения).

Курентзиса явно увлекла именно философская составляющая этой партитуры, заканчивающейся дивной красоты тихим и медленным финалом, уводящим в поднебесные дали. Дирижер постарался обойтись без венских красот и вообще сделать эту музыку вне стиля и времени. Священнодействие почти сорвалось в третьей части, когда солирующий трубач — то ли со страху, то ли с чего-то еще — не смог сыграть практически ни одной фразы, а после этого и остальная медь разнервничалась.

Тем не менее в исполнении Курентзиса нельзя было не прочувствовать всю трудность и грандиозность пути (это скорее путь мысли, а не человека), который лежал между первым и последним тактами симфонии. Тем более что после первой части, которую и сам автор, впрочем, отделял от последующих, утомленный и, кроме того, склонный к театральным эффектам маэстро даже сделал привал — присел на стул, вынул полотенце, бутылку с водой и под благоговейное безмолвие публики начал о чем-то беседовать с концертмейстером. Хочется верить, что беседовал он все-таки о нотах, а не о философии Ницше.